

ЯЗЫЧЕСКИЙ ЦЕЛТ

ОГНЕВА ЕВГЕНИА

18+

Евгения Огнёва
Яблоневый цвет

«Автор»

2026

Огнёва Е. О.

Яблоне́вый цвет / Е. О. Огнёва — «Автор», 2026

есть люди, созданные для света, и те, кого власть выжигает дотла, оставляя лишь пепел и кровь. Фёдор Плещеев - ближник и карающий меч царя Михаила Тёмного. Он привык, что его руки пахнут железом, а крики в подвалах со временем становятся частью тишины. Он уверен, что души у него нет, а его удел - быть черным псом на цепи у тирана. Но однажды на его пути становится Марья - невеста казнённого княжича. Она не умоляет о пощаде. Она смотрит в глаза палачу и видит в нем не зверя, а сломленного человека. "Яблоне́вый цвет" - это суровое и пронзительное полотно о невозможности убежать от своей природы. О том, как страшно любить того, кто ежедневно выбирает смерть. О цене, которую приходится платить за попытку вырвать душу из когтей тирании, и о том, что даже в самой беспросветной тьме прорастает семя, которому суждено стать деревом.

© Огнёва Е. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ближник	5
Глава 2. Колыбельная	12
Глава 3. Ярмарка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Евгения Огнёва

Яблоневый цвет

Глава 1. Ближник

*«Бесы в чёрном рядом с царским тронном, Головы собачьи, мётлы, колчаны. Ты был первым, бесом самым верным, Жизнь другую начал, явью сделал сны»
(М. Пушкина - "Чёрный камень")*

В подвале у Фёдора душно и тихо. Даже когда кричат. Крики со временем перестают быть звуками, становятся частью тишины, ее изнанкой, ее теплой кровяной подкладкой. Он привык. Он думал, что привык навсегда.

Пахло сыростью, железом, той особенной сладковатой вонью, от которой у нормальных людей желудок сводит. Фёдор этот запах любил.

В тот день пытали кузнеца. Мужик был здоровенный, молчал, только смотрел на Фёдора с такой ненавистью, что хоть в рамку вставляй – картину писать.

– Признаешь? – Лениво спросил он.

Мужик плюнул в его сторону. Кровяным плевком.

Фёдор вздрогнул, поставил кружку, поднялся.

– Зря ты так, – сказал он почти ласково. – Я же не зверь какой. Я помочь хочу. Душу твою хочу увидеть. А душа у тебя, чую, чистая.

Мужик лишь уставился на Фёдора лютыми глазами.

Фёдор деланно вздохнул и вернулся на свое место.

Он сидел на своем табурете и думал о том, что скоро Рождество, а подарков некому дарить. Разве что, государю великому. И чем его порадовать?

Что-то драгоценное, чем потешить батюшку? Крест золотой, панагию? А, может, нож булатный, чтобы знал государь: все в руках его: и добро, и зло?

Али пленника особого на потеху. Государь тут же и допрос учинит и суд свершит.

И тут за дверью что-то грохнуло. Стражники помянули черта, кто-то взвизгнул по-бабьи, а потом дверь распахнулась, и на пороге возникла девка.

Босая. В одной холщовой рубахе. Волосы растрепаны, на скуле кровь – то ли своя, то ли чужая. Она оглядела подвал, пыточные снасти, кузнеца в крови, Фёдора с кружкой сбитня в руках, и вздохнула.

– Кто такая? – Нахмурил брови Фёдор.

– По делу князя Купеческого, Марья Астахова. – Ответил один из стражей.

– Марья... – Простонал кузнец еле слышно. – Он узнал ее. Из одного села были, соседствовали. Но тут же прикусил язык: как бы беды не накликать.

– Ну так в общую ее, видишь, я занят. – Огрызнулся Фёдор.

Пол ночи Фёдор лежал у печи на медвежьей шкуре. Сон не шёл. Вот уж двадцать лет ему минуло. Государь его жаловал: ни пытаться, ни веселиться без него не мог. И Фёдор за то платил ему преданностью. Но не такой, как Гришка Весняк – верный пес, готовый взять на себя самую черную, грязную работу.

И не такой, как Степан Нечай, что чинил государеву правду на земле.

Фёдор, конечно, первым скакал в седле, коли надо было присмирить врага государева, правды доискивался, ежели кого в заговоре обвиняли.

С тех пор как он двенадцатилетним мальчишкой предстал перед светлыми очами государя, сделался ему отрадой: слушал печали, разгонял тоску. Бывало, учинял веселие, смущавшее больших людей, знатных, что в традициях и нравах погрязли.

За окнами метель мела, завывала так, что стекла дрожали. Фёдор перебирал чётки. Чётки были старыми, деревянными, от матери – единственное, что осталось. Косточки скользили в пальцах гладко и тепло.

Помнил он руки матери, мягкие, тестом пахнущие. Больше ничего.

Помнил сад с яблонями. Фёдор любил по деревьям лазить. Запах яблок вернулся к нему так явственно, что закружилась голова. Кровь пахла так же, как яблоки.

Фёдор вспомнил всех, кого пытал в подвале. Их дрожавшие искаженные лица замелькали перед глазами. Заплясало пламя в печи, зашевелились тени на стене. Душно сделалось, ворот рубахи рванул – не помогло!

Фёдор схватил Псалтырь, уперся взглядом в слова святые и губы его сами собой забормотали. Но буквы заплясали, вспомнился мужик давешний, что крепился долго.

«Пощади, по что пытаешь? Не могу больше» – Закричали страницы, засвистел в голове топор, зашептались голоса со всех сторон, завывали.

Юноша зажал уши руками, но гул все нарастал и нарастал. Бешеными глазами Фёдор оглядел светлицу: кровь заполоскалась на полу, стучала в голове набатом.

Собственный крик оглушил. Заскрипела дверь, леденя душу... Что это? Снова тени и призраки? Юноша заозирался по сторонам, не понимая, видится ему али нет. Сон кошмарный или явь дурная?

На пороге появился черный пес. Завилял хвостом заискивая, поскуливая, чуя тоску хозяйскую, застучал когтями по полу, прогоняя шум из головы.

– Ничего, брат. Ничего. Скоро все кончится. – Фёдор слез с печи на пол, обнял теплую шкуру единственного друга. – Они уйдут, все кончится.

Тише стало. Вот уже не голоса – вьюга за окном завывает. Не кровь на полу – ответ от жаркой печи.

В замке для ближников гремел скомороший оркестр. Вдоль стен прогуливалась стража, грея руки над кострами. Мрачные всадники проезжали мимо, раздавались стоны в пыточной. Ярко светили факелы, озаряя отблесками черное зимнее небо. Государь сегодня созвал ближников, устроил пир.

Низкие своды потолков, тёмные, копченые фрески, лавки вдоль стен. Золотые скатерти на столах, государев трон на возвышении.

Тысячи свечей смотрели на пирующих, в тяжелом спертом воздухе пахло жареным мясом, квасом и человеческим потом.

Государь сидел на троне в тяжелой золотой шапке. Она давила на голову, и он морщился. На нем был тяжёлый аксамитовый кафтан, оплечья переливались камнями, на груди – золотая цепь. Великий и светлейший жарился под тяжестью своих богатых одежд, но символы власти снять не можно. Такова плата за власть.

Столы ломились от угощений: жареные лебеди, медвежатина, осетры, кабаны. Лились рекой заморские вина и ставленные мёды. Остывали всеми забытые на золотых блюдах пироги с зайчатиной и медовые пряники.

Ближники давно насытились, топили во хмелю буйные головы, от чего языки развязывались. Стол был залит жиром и винными пятнами, рожи пирующих покраснелись, глаза заблестели по-звериному. Того и гляди, пойдут в ход поясные ножи.

Давно были скинуты скромные серые рясы, запестрели кафтаны, золото, соболя.

Степан Нечай – чернявый, хитрый, сегодня пьян, но держится, улыбается. Григорий Весняк – молодой, огромный, уже еле ворочает языком. Один Иван Молчан по-прежнему спокоен, он не любит говорить, все слушает, глаза его ни разу не затуманены. Опасный человек.

Визжали на коленях ближников девки в расшитых сарафанах, хихикали с полупьяна от щипков.

Гул стоял такой, что приходилось кричать, коли вздумала охота поговорить с кем-то.

Давно уже отхвастались своими подвигами молодой Васька Нечай, сын Степана, да Мишка Басарга. Один ближник высмеял при всех второго, тот почти кинулся на обидчика, да зацепился за лавку, растянулся всем на потеху. А как очнулся – забыл спьяну, что вообще хотел сделать и для чего вскочил с места.

Гогот стоял такой, что в ушах звенело.

Государь пил сегодня много.

Фёдор наполнял кубок своего повелителя. Сам он не пил. Из головы не выходила бессонная ночь, когда старый пес прогнал страхи. Бессмысленность и обреченность только сейчас начали рассеиваться.

– Отчего ты не весел, Фёдор Борисович? – Голос государя гремел над пирующими, ближники подняли глаза.

Кто с ехидством, кто со злобою: не мало врагов себе нажил красавец-фаворит.

– Провел я ночь молитвою, государь. – Тихо отвечал юноша. – За здоровье твое и за благополучие великой нашей державы.

– Ой ли, Фёдор Борисович! – Ухмыльнулся Степан Нечай. – От чего кручинушка тебя взяла? Государь жив-здоров, отчизна в порядке. Небось, грехи свои в преисподнюю тянули?

– Тяжела была ночка, Фёдор Борисович: свели вчера в баню крапивное семя во дворе Постниковом. Так ведь ты сам вызывался. – Темные бездонные глаза государя пристально всматривались в лицо.

– Не жалуясь на то, государь. – Холодная улыбка коснулась лица Фёдора. – Троих потрошил, двое языки развязали. Третий... Щенятьев князь, упертый оказался. Долго с ним возился.

– Знаю Щенятьева, гордый был. Ну и как? – Оживился государь.

– Да никак. Стоял на своем до последнего. Пришлось «помягче» с ним. Он и помягче не захотел. Душу богу отдал, так и не признавшись.

– Крепкий, жаль, не наш. Налить тебе, Федя, за усердие? – Рассмеялся государь.

– Налей, государь. Только руки что-то сегодня дрожат. Кричали они больно жалостно. Собаки и те тише воют.

– Жалость не по чину тебе.

– Это так. К слову пришлось. – Фёдор осушил кубок. Вино разлилось огнем по жилам.

– О чем кричали – я уже забыл. Здоровье государя!

– То-то же, Федя. – Государь одобрительно кивнул.

Степан Нечай наполнил кубок Фёдора, ухмыляясь, подмигнул.

– Не кисни, Федя. Аль работа тебе не нравится?

– Роба мне твоя пьяная не нравится. – Скривил красивое лицо Фёдор.

– Давай выпьем за сегодняшних! За смелого кузнеца! Хороший парень, жалко будет, если сломается! – Степан полез целоваться, Фёдор отпихнул его в сторону.

Нечай повалился на пол, смеясь, обливаясь вином.

– Государь, там еще пятеро. Клеветники. – Между делом подал голос Гришка Весняк. – До утра отложим или привести прикажешь?

Государь Михаил Юрьевич встал и ближники притихли. Смолк дьявольский смех, на полуслове застыли спорящие Борька Сивый и Мишка Басарга. Даже девки присмирели, лишь вздрагивали в руках охальников.

Еще не старый, но весь в морщинах, с тенями под глазами, жиденькой бородой, Михаил Тёмный внушал страх одним своим присутствием.

Аksamитовый кафтан, оплечья переливаются камнями, золотая цепь на груди. Михаил Юрьевич сжал резной посох в руке, взгляд его сделался тяжелым.

– Веди. – Велел он.

Вошел дьяк. Сухой, поджарый, в богатом зеленом кафтане. Скрипучим голосом он заговорил:

– По государеву приказу и слову, обвиняется в измене князь Купеческий Петр Григорьевич: писал письма королю Моравии, на государево здоровье зло умышлял, людишек своих на разбой собирал...

Дьяк читал еще долго, перечисляя все грехи, настоящие и выдуманные. Михаил Юрьевич слушал вполуха, постукивая пальцами по столу.

– Ввести обвиняемого.

В распахнутые двери стража ввела старика лет шестидесяти. С седой окладистой бородой, лицом решительным и уверенным. С ним – его семья: жена, две дочки и сын.

Фёдор равнодушно посмотрел на испуганных женщин, на старика, что пытался держаться. Он видел таких сотни. Сейчас начнется: крики, слезы, мольбы.

Но один взгляд его зацепил.

Сын. Молодой, лет двадцати пяти, красивый. Широкоскулый, с ясными голубыми глазами. И смотрит не в пол, не на государя, а прямо перед собой. Спокойно. Без страха.

«Интересно, – подумал Фёдор, – долго ли продержится?»

Купеческий-отец поклонился в пояс.

– Государь, – глухо проговорил он. – Не виновен я. Дети мои не виновны. Жена не виновна. Не писал я писем, не мыслил злобы. Клянусь Богом и всеми святыми.

Михаил Тёмный долго молчал, затем, наклонился вперед, прищурился:

– А кто же тогда писал? Может, сынок твой?

Молодой человек сделал шаг вперед.

– Я, государь. – Твердо сказал он. – Если кто и писал, то я. Отец тут ни при чем.

Государь усмехнулся:

– Смелый. Люблю таких. И что же ты писал?

– Ничего я не писал, государь, – глядя в глаза Михаилу Юрьевичу, отозвался он. – Но, если тебе нужен виноватый – вот он я. Отца отпусти.

Князь-отец бухнулся на колени.

– Государь, не слушай его! Молодой, глупый, с горячки брякнул! Не писал он ничего! Я виноват, я! Казни меня, государь, но детей не тронь!

Михаил Тёмный обвел ближников глазами.

– Люблю такие развлечения. Когда один за другого лезет. Благородно. По-божески.

Он спустился с трона, подошел к семье Купеческого, остановился возле дочерей. Молодые девки дрожали, чуть вздрагивали. Младшая всхлинула, спрятала лицо в плечо сестры.

– Красивые. – Заметил государь. – Жалко таких в подвал.

Повисла тишина.

– Федя. – Позвал Михаил Юрьевич.

Фёдор выступил вперед.

– Возьми их всех. Окажи гостеприимство. И этого, смелого, – государь кивнул на молодого княжича, – особенно. Хочу знать, что у них за тайные письма, кто писал, кто не писал и, кто еще в деле.

Князь Купеческий закричал, запричитали женщины, заливаясь слезами и оправдываясь. Только княжич остался спокойным.

Голова раскалывалась. Солнечный свет нещадно резал глаза. Яркий от свежесвыпавшего снега, он искрился, играл в лучах. И причинял невыносимую боль.

Фёдор пересек двор, направился в горницу. Устал, сил едва хватало ноги передвигать.

Собственная комната казалась душной: то ли истопник перестарался, то ли после свежего воздуха. Уткнулся лицом в подушку, закрыл глаза, не раздеваясь, как был.

Сон не шел опять. Всю ночь он вел допросы. Всю ночь лились из пыточных крики и стоны, на шитом золотом кафтане кровь запеклась. То ли князя Купеческого, то ли женки его, Фёдор не помнил.

Въелась ему в память другая картина. Как дошел списком до свидетелей, принялся по камерам жертву себе выбирать. От семейства благородного он пока ничего не добился, требовался навет, слово стороннее, чтобы уверенность пошатнуть.

Пытки – это что, крепкий духом не испугается. Иное слово бьет крепче плети.

В темной камере сидели трое: старик, юнец и баба. Старик, кажется, туго соображал куда и за что его, качал головой, покашливал. Юнец с ужасом в угол темный юркнул: сломается быстро, с него хватит нескольких минут.

Баба в рваном зипуне смотрела Фёдору в глаза. Лицо круглое, белое, фигура статная, но не худая, в плечах широкая, в талии тонкая, глаза серые и большие, жалостливые.

«Как у иконы, – подумалось Фёдору. – Ишь, смотрит, будто дыру прожечь хочет.»

– Эту. – Заплетающимся от хмеля языком велел Фёдор, развернулся и зашагал в пыточную.

Девка не пискнула даже, не заголосила, безропотно шла следом под присмотром стражника.

– Оставь нас пока, – бросил Фёдор палачу, устроился на табурете, рассматривая девку.

Она стояла прямая как стрела с той же непонятной тоской в глазищах. Не было в ней страха, а бояться было чего: бурные кровоподтеки на столе, инструменты заплечных дел мастера, клочок чьих-то волос присох к полу. Воняло потом и каленым, измученным телом, потрескивали дрова в печи.

– Кто я – знаешь? – Протянул Фёдор, приосанившись.

– Знаю. – Тихо, но без дрожи отозвалась девушка. – Палач.

Фёдор расхохотался, запрокинул голову.

– Дура захолустная. – Без злобы произнесли его улыбающиеся губы. – Я Фёдор Плещеев, ближник государя. И по его слову будешь ответ держать. Коли правду скажешь – отпущу.

Фёдор сидел, озаряемый светом факела. Красивый. До дрожи, до боли, до того странного чувства, когда хочется смотреть и глаз не отвести. Глаза светлые, холодные и колючие, губы тонкие, улыбаются, точно насмеются над чем-то ему одному про собеседника ведомым.

Фёдор откинулся к стене, закинул ногу на ногу, руки положил на колени. Пальцы длинные, холеные и крепкие. Руки – чистые, точно не купаются в крови ежедневно.

У Марьи по спине мурашки прошли, в груди похолодело. Она молчала и ждала. Глаза ее по-прежнему смотрели прямо и открыто, будто она собралась слушать его, а не он ее допрашивать.

– Не смотри так. – Вырвалось у Марьи. – Не надо.

– Как? – Он склонил голову на бок, прядь русых волос упала на лицо. Жест был почти женский, но от чего-то страшный.

– Будто жалеешь.

– А я и жалею. – Просто сказал он. – Всех нас, грешных, жалею. Тебя, себя, каждого, кто порог этот переступает.

Он горько усмехнулся, у Марьи сердце сжалось.

– Ты Ивану Купеческому кем приходишься? – Продолжил юноша и голос его сделался твердым.

– Невеста. Мы должны были пожениться. Я ехала к нему с теткой в сопровождении. А когда на двор заехали, – голос чуть дрогну от воспоминаний, но она сдержалась. – Налетели люди государевы. Все вверх дном было, мы и на порог ступить не успели. Тетку Дарью... – Она закрыла глаза, вздохнула глубоко, – На месте зарубили. А меня за волосы потащил один, да не успел...

Она тяжело задышала. Фёдор внимал каждому слову. Девичий страх завораживал. Однако же, держалась Марья хорошо, в глазах слезы застыли, но волю им она не давала.

– Еще люди приехали, велели всех доставить. – Закончила девушка и вдруг вскинула глаза на собеседника.

Они горели ярче пламени. Смело, требовательно.

– Скажи, за что арестовали Ивана? Жив ли еще?

Фёдор растерянно заморгал. Ишь какая: о себе не спрашивает, за женишка радеет. Два сапога пара. Тот – за отца вступался, головы не жалеючи. Эта – про любимого пытается.

– Не твое то дело. – Лениво отмахнулся он. – Значит, в доме Купеческом не бывала, не жила... Давно ли знаешь семейство родовитое?

– В детстве играли вместе. – Щеки ее покраснели. – Потом Купеческие уехали, а сговорили нас еще детьми. Пришел срок, я и поехала.

«Любовью то тут и не пахнет, выходит? – Размышлял Фёдор, всматриваясь в допросные листы княжича. – Ан, нет. – Брови его взлетели, глаза по строчкам пробежались еще раз. – Навещал любушку, подарки возил, в гости к Астаховым по делам своим заезжал.»

– Что про письма знаешь?

– Какие письма? – Недоуменно заморгала Марья. – Не ведаю о том... Душно у тебя, господин. – Она подошла к маленькому окошечку, ничуть не смущаясь Фёдора.

Ее руки взметнулись к защелке, свежий воздух ударил в лицо, девушка вдохнула его полной грудью. Марья стояла совсем близко. От нее не пахло грязью и страхом, как от других арестованных. От нее пахло яблоками.

Фёдор втянул запах. Впервые яблоки не вызывали в нем ассоциацию с кровью и пытками. Так пахло в саду, где он мальчишкой лазил по деревьям.

Юноша встал с табурета, уставился на Марью дикими глазами. Она не отшатнулась, ответил ему тем же спокойным, все понимающим взглядом и улыбнулась тепло.

– Бледен ты совсем, господин. Тебе бы выспаться, да погулять на воздухе.

Ее рука направилась к его лицу и этого Фёдор уже стерпеть не мог. Сам от себя того не ожидая, он перехватил запястье, сжал больно. На щеках у Марьи тут же выступили слезы обиды.

– Что позволяешь себе, девка захудалая? – Зло и растерянно бросил он. – Забыла, куда попала и кто перед тобой? – Второй рукой Фёдор сжал задрожавший подбородок Марьи. – Говори по существу: что о делах Купеческих знаешь? Кому писали, как государя извести хотели, порчу наводили?

Он оттолкнул ее от себя. Марья пошатнулась, но устояла.

– Не знаю ничего. Не успели мы и словом перемолвиться. Не видела Ивана почти год.

Теперь она смотрела в пол, часто вздымалась и опускалась ее грудь. Еще чуть-чуть и заголосит, заплачет.

Фёдор ждал. Девушка молчала. Она подняла лицо, распрямила плечи, будто приготовилась защищаться, биться на смерть. И вдруг опять потеплел взгляд, робкая улыбка тронула губы.

– Загубишь ты себя, господин. Тяжелую ношу взвалил на себя. Жалко мне тебя.

Юноша зло фыркнул.

– Стража! – Крикнул он.

На зов явился детина, топоча сапогами.

– Гони ее в шею. Ничего она не знает. – Фёдор брезгливо оттер руки полотенцем, что висело тут же на стене. – Следующего давай.

Юродивая девка до сих пор перед глазами стояла. Ненормальная. Кто знает, что в голове у таких людей? Его, ближника царского жалеть вздумала! Лучше бы о своей судьбе плакала.

Так Фёдор в допросных листах и написал: головой тронулась, убогая, к делу Купеческих отношения не имеет.

А что невеста, так оно, может, выдумала все. Впрочем, Ивана он еще не пытал, не дознавался про то.

Глава 2. Колыбельная

Фёдор вышел от государя за полночь. Пир кончился, в ушах стоял хохот близников, внутри все еще орали скоморохи. Он шел к себе по хрустящему снегу, мечтая лишь о том, чтобы упасть на постель и забыться. Пусто было и муторно.

Сегодня не было сил продолжать допросы, хватило двух отравленных на пиру родовитых. Фёдор сам поднес чашу Ждану Лыкову.

Под сдавленные смешки Лыков поблагодарил государя за милость и сделал глоток. Через минуту родовитый принялся ловить ртом воздух, глаза его закатились, а сам он упал лицом в пирог.

Ближники гоготали, как полчище бесов. Родовитые тряслись от ужаса. И не зря: жена Купеческого такого наговорила под пытками, что следовало бы ее наградить, да не случилось: испустила дух.

А фамилии назвала. И Лыковы были первыми в списке. Этой же ночью близники ворвутся во двор благородного семейства, чтобы привести к ответу родственничков. Двор этот перейдет во владение Семака Белухи. Это он навел государя на заговор Купеческого. Заслужил.

Поговаривали, в прошлом году сватался он к Младе Лыковой, старшей дочери родовитого. Да отец отказал, еще и прогнал сватов в сердцах обронив:

– Не бывать тому, чтобы Лыковы с грязью смешивались.

Теперь-то жизни Лыковых в руках Семака и строптивой гордой девицы. Будет сговорчива – уцелеет голова оставшихся родичей, а не будет – сгинут всей своей прославленной фамилией.

Явился на пир и Борис Плещеев, отец Фёдора. Между ними разлад давно пошел. С тех пор, как утвердился Фёдор в своем месте подле государя. Михаил Юрьевич подливал весь вечер масла в огонь. То на Фёдора покажет, то на Бориса глянет – и усмехнется.

– Смотри, Борис, – говорил вполголоса, но так, чтобы все слышали. – Каков у тебя сын. Красавец, умница, первый ближник. А заслуги твоей в том нет. Не ты его таким сделал – я. Ты только сломал, а я собрал. Так чей он теперь, Борис? Твой или мой?

Борис дёрнулся, покраснел, только буркнул в бороду:

– Моя заслуга тоже есть. Невелика, а есть.

И замолчал, уставился в кубок.

«Какой ценой! – Зло подумал Фёдор, стискивая кулаки. – Мать в могилу свел, меня государю отдал.»

За оружие Фёдор взялся еще отроком. Отроком же помчался вслед за Михаилом Тёмным воевать кочевников. Тогда в первый раз кровью умылся с ног до головы, пытать научился, жилы рвать из тела, Богом сотворенного.

Рвать души он научится уже потом, в кругу близников.

Фёдор мучительно икнул.

У крыльца его дома стоял стражник. Не тот, что у ворот всегда службу несет, а из подвальных.

– Ты чего? – Хмуро спросил Фёдор.

– Фёдор Борисович, – шепотом заговорил мужик, – там это... девка та, которую ты велел выгнать. Марья Астахова... Она не ушла.

– Как не ушла? Я велел...

– Она у крыльца сидит. Всю ночь просидела. Колечко мне сунула, последнее, говорит, пусти. Я не пустил, так она у двери легла. Замерзла вся, трясется, а не уходит. Тебя дожидается.

Фёдор замер. Перед глазами предстала давешняя блаженная, в рваной рубахе, босая. Туман в голове рассеялся.

– Где она?

– У черного входа, Фёдор Борисович. Я ее прогнать не смог... пожалел.

Фёдор быстрым шагом, срываясь на бег, помчался, сам не зная, почему. Он обогнул дом, поскользнулся на обледенелых ступенях.

Она сидела на снегу, привалившись к стене, обхватив колени руками. В лунном свете лицо ее казалось бледным и мертвым. Но когда он подбежал, она открыла глаза и посмотрела на него снизу-вверх. Взгляд был тёплый, живой, с затаенной в глубине надеждой.

– Ты... – выдохнул он, а сердце зашлось. – Ты зачем здесь?

Она попыталась встать, но ноги подкосились. Тогда Марья опустилась на колени и подползла к нему по снегу, протягивая руки, поклонилась в ноги.

– Фёдор Борисович, – голос ее дрожал, но был тверд, – помоги. Спаси Ивана, не виноват он. Не за себя прошу, за душу невинную. Возьми меня к себе хоть чернавкой, хоть собакой под дверь. Нет у меня богатства, нечего мне предложить, кроме жизни своей.

Марья уткнулась лбом в его сапоги. Снег падал на ее непокрытую голову, таял на волосах.

– Встань. – Велел он хрипло. – Встань, говорю.

Марья покачала головой, положила ладонь на его сапог, прижалась губами.

– Ноги целовать буду, любую работу сделаю. – Сдавленно пробормотала. – Обещай.

– Ты понимаешь, о чем просишь? – Фёдор наклонился, схватил ее за плечи, поднял с колен. – Ты понимаешь, кого просишь? Я завтра, может, Ивана твоего сам пытаться буду, а ты мне – помоги?

– Помоги, – повторила Марья упрямо, глядя ему в глаза. – Я знаю, кто ты. Знаю, что делаешь. Я верю: есть у тебя и душа и сердце горячее. Не зачерствело еще, в глазах твоих вижу.

Он отпустил ее, отшатнулся, будто его ударили.

– Дура! – Выдохнул юноша. – Блаженная!

– Дура. – Легко согласилась Марья. – Возьмешь?

Фёдор смотрел на девушку. Белым покрывалом засыпал снег ее волосы, замел следы, вычистил мир вокруг. Тихо было и спокойно вокруг.

«Пропадет ведь, дура! И меня утащит! – Подумалось ему. – Но как смотрит, как святая.»

– Заходи, – сказал он наконец. – Замерзнешь ведь.

Она улыбнулась сквозь слезы и пошла за ним.

Марья вошла во двор ранним утром, когда слуги уже начали возиться. Фёдор ушел рано, бросив на ходу: «Разберут, скажешь, что от меня.»

Марья переступила порог и замерла. Она думала, что идет в дом – ну, в терем, как у людей. А попала в целый город.

Сени – шириной с улицу. Вдоль стен – лавки, крытые сукном, на них сундуки кованые, один другого богаче. Над головой – тяжелые дубовые перекладыны, с которых свисают связки трав, луковицы, вяленая рыба. Пахнет хлебом, мятой, старой кожей и еще чем-то чужим, дорогим.

Мимо то и дело сновали люди.

Вот пробежал мальчишка с дровами, засмотрелся, чуть не рассыпал. Две бабы в одинаковых серых понёвах тащили корзину с бельём, зашептались. Прошел мужик с топором за поясом – не то плотник, не то сторож. Глянул тяжело и скрылся за углом.

Где-то бабы пели – тихо, в несколько голосов, ребёнок плакал. В глубине был слышен стук – то ли бочки ладят, то ли кузня.

Первой её встретила Агафья. Ключница стояла у крыльца, подбоченившись, и смотрела так, будто перед ней не человек, а таракан на чистом полу.

– Ты кто такая? – Не терпящим возражения грудным голосом спросила она.

– Марья, Фёдор Борисович велел...

– Знаю, что велел. – Агафья оглядела ее с ног до головы: рваный зипун, босые ноги, кровь на скуле. – В таком виде к господину пришла? Али из подвала сбежала?

– Из подвала. – Спокойно ответила Марья. – Только не сбежала. Меня сам привел.

– Сам? – Седые брови Агафьи поползли вверх. – Ну, дела...

Из-за угла вынырнула молоденькая девка лет семнадцати, уставилась с любопытством.

– Красивая какая, – выпалила она и тут же прикусила язык под взглядом Агафьи.

– Цыц, дура. – Ключница повернулась к Марье. – Ладно. Раз сам велел, пойдем, покажу, где жить будешь. Только смотри у меня: в горницу господскую ни ногой, на глаза без зова не лезь, с ближниками не якшайся, если хоть одну ложку серебряную хватятся – я тебя сама в подвал сведу, поняла?

– Поняла, – кивнула Марья.

– Переодеть тебя надо. – Проворчала Агафья. – Ты что, прямо из пыточной от палача? Срам один!

Марья пошла за ключницей, молодая девчонка увязалась за ними.

Из боковой двери вышли двое – в простых, но добротных зипунах, с виду челядь, но сытые, холеные. На Марью внимания не обратили, будто и нет ее.

– Это кто? – Шепнула Марья.

– Поварята, – буркнула Агафья. – У нас их четверо. И два повара. И еще один для пиров отдельно.

Прошли через еще одни сени – и вдруг оказались в огромной избе, где сразу три печи пылали, а вокруг них, как муравьи, суетились люди.

Бабы тесто месили, девка лет пятнадцати, чистила рыбу. Гору рыбы, целый воз. Другая крупу перебирала, даже глаз не подняла, третья капусту рубила.

– Кухня. – Коротко бросила Агафья. – Тут у нас двенадцать человек. Не считая тех, кто в погребках.

– В погребках? – Переспросила Марья.

– А ты думала, – Агафья усмехнулась. – У Фёдора Борисовича три погреба. Один для снеди, один для питий, один...туда тебе ходу нет.

Двор тянулся и тянулся: конюшня, псарня, амбары – пять штук, один другого выше. Ледник – огромный сугроб с дверью, из которой тянуло холодом даже на улицу.

– Сколько людей? – Не выдержала Марья.

– А кто же считал? – Агафья пожала плечами. – Конюхов четверо, сторожей – шестеро, прачек – четыре. Портных двое, свой кузнец, сапожник... – Она замолчала, что-то прикидывая. – Да еще те, кто при доме: я, Параня, Гришка, Тихон, поварята... – Она махнула рукой. – Душ сорок.

Параня все шла следом, любопытство не отпускало ее от Марьи.

– Ты правда из подвала? А страшно там? А Фёдор Борисович... он какой? Он страшны, говорят...

– Параня! – Рывкнула Агафья. – Замолкни, сорока!

Они поднялись на крыльцо. В сенях стоял конюх, чистил сбрую. Еще не старый, с уставшим каким-то печальным лицом, он поднял глаза на Марью, задержал взгляд дольше, чем нужно, и снова опустил.

– Тихон, – бросила Агафья. – Это – Марья. Она при доме будет. Следи, чтобы Гришка не облапил.

– Угу. – Буркнул мужик.

Марья обернулась, встретилась с ним взглядом. В глазах стояли жалость и усталость.

Агафья ввела ее в маленькую каморку под самой крышей. Внутри было чисто и скромно: лавка, она же – кровать, сундук и маленькое оконце – волоковое.

– Здесь жить будешь. Это твоё. – Она кивнула на холщовую рубаху и старые онучи на лавке. – Переоденься, ходишь, людей зипуном своим пугаешь. Причешись и умойся. Из дома – ни ногой, как за порог выйдешь – сама за себя. Поняла?

– Спасибо. – Тихо сказала Марья.

– Спасибо после скажешь, если не сбежишь через недельку. – Агафья обернулась уже в дверях. – Не думай, девка, я не злая. Порядок люблю. А порядок тут один: господин – всему голова. Что прикажет – то исполнять незамедлительно и непрекословно.

Марья переделалась, расплела волосы, вычесала, уложила в косу. Дверь каморки скрипнула, девушка с испугом оглянулась.

В комнату, приюхиваясь, зашел старый пес. Он несмело завилял хвостом. Марья улыбнулась, протянула руку навстречу.

Пес вошел, облизнул девичьи пальцы. Марья присела рядом, принялась гладить лобастую голову.

– Ты чей? – Шепнула она.

За дверью послышались шаги, потом развязный голос:

– А где тут у нас новая? Эй, красавица, выходи, покажись.

Пёс зарычал, шмыгнул к двери. Марья встала, открыла. На пороге, чуть пошатываясь, стоял молодой парень. Скалился и шарил глазами по ее фигуре. Чубатый, с веселыми глазами и ямочками на щеках. Он был даже красив, если бы не рубец на носу, уродовавший молодого человека.

– Ну, здравствуй. Я – Гришка. Давай знакомится, красавица. Вечером прогуляемся? Холодно будет – согрею.

– Пошел вон, – тихо сказала Марья.

– Чего?

– Пес, взять.

Пес прыгнул вперед, оскалился. Гришка попятился, споткнулся и покатился кубарем по лестнице.

Снизу донесся его мат и хохот Тихона.

– А она ничего, – сказал Тихон Агафье, когда та вышла на крыльцо. – Не промах.

– Посмотрим, – буркнула Агафья, но голос ее заметно потеплел.

Весь день Марья ходила с Параней по дому. Помогала с уборкой, носила воду, стирала белье. К закату ноги еле держали ее, а руки покрылись мозолями.

– Отдохни чуток. – Велела Агафья. – Мало ли что понадобится господину. Ночи, они, знаешь, беспокойные бывают.

Марья поднялась в свою каморку, опустила на скамью. Дверь скрипнула – вошла Параня с миской щей и ломтем хлеба.

– Вот. Агафья велела отнести. – Она поставила миску на лавку, присела рядом. – Ты на Гришку не серчай, он дурак. А ты правда из подвала?

Любопытное веснушчатое личико уставилось на Марью. Девчонка была по-простому мила. Не красавица, пышная, с толстой косой, бровями в разлет и озорными глазищами.

– Оттуда. – Марья улыбнулась.

– Как же ты к нам попала?

– Попросила.

– Ну, да? – Не поверила Параня. – И Фёдор Борисович взял? К нам просто так не попадают, сама знаешь: и честь великая и кара. – Шепотом закончила Параня. – Иные бегут не оглядываясь.

Марья лишь пожала плечами. Ее глаза слипались.

– Отдыхай, Марьюшка, отдыхай. – Засобиралась девушка. – Двери запри. Гришка ночью придет счеты сводить, как пить дать. А ты Замятню к себе возьми. Он старый уже, но защитит, коли надо.

Пес, будто почуяв, что говорят о нем, протиснулся в дверную щель, завилял хвостом.

Поспать Марье, как и было обещано, не удалось.

Ночью она проснулась от ворчания Замятни. Было темно, хоть глаз выколи. Кто-то пытался войти в ее дверь: защелка дрожала.

– Кто там? – Марья надвинула одеяло до подбородка.

Никто не отвечал. Девушка дрожащей рукой потянулась к Замятне, пес уже стоял, напряженно застыв на месте, готовый кинуться вперед. В горле зверя клокотала ярость.

Вдруг послышалась ругань, жалобный скулеж, брань и звуки ударов.

– Холоп! Шкуру сдеру! – Растягивая слова, невнятно бранился голос. – Открывай, бесстыжая!

В дверь ударили кулаком.

Голос Фёдора успокоил пса, он радостно залаял.

Марья поспешно раздула лучину, натянула на себя рубашку.

– Открывай! Открывай! – На распев, монотонно повторял Фёдор, барабанив в дверь

Марья отворила.

Фёдор стоял на пороге, опираясь о стену. Красивый, статный, в темно-вишнёвом дорогом кафтане с крупным золотым узором, с золотым воротником, расшитым жемчугом. Узкий серебряный пояс стягивал по-девичьи стройную талию. Тафья съехала на бок, волосы растрепались.

– Ждала полюбовника, бесстыжая? – Грозно начал он, вваливаясь в комнату. – Испортил вам свидание? Быстро ты жениха своего забыла.

От него пахло хмельным медом, язык путался.

– Как же вы так, Фёдор Борисович? – Ахнула Марья, подставляясь под его занесенную для удара руку.

Замах сошел на нет, рука легла на девичье плечо, опираясь. Ноги едва держали Фёдора.

– Присядьте. – Она помогла ему сесть на лавку.

Замятня вертелся под ногами.

– Место. – Велела Марья, пес тут же лег, положил голову на лапы и немигающим взглядом уставился на девушку.

– Смотри-ка. – Удивился Фёдор. – Понравилась ты ему. И Гришке, я гляжу, тоже. – Точно вспомнив, зачем стучал в дверь, разозлился он.

Фёдор вскинул кулак, на котором растеклась кровь. Все было понятно без слов: Гришка получил от хозяина трепку.

– Зря винишь меня, Фёдор Борисович. – Покачала головой девушка. – Я и Замятню с собой взяла, чтобы не тревожил никто.

– Ай, врешь? – Фёдор вскочил на ноги, вцепился в косу Марьи. – Историю про жениха выдумала. Не к Григорию ли рвалась? А может, сговор у вас был: жениха на плаху, а самим жить не тужить?

Марья поморщилась от боли, но стерпела.

– Отпусти, больно. – Не взмолилась, потребовала. – Послушай себя, – ласково, как ребенку, проговорила девушка. – Я из глубинки приехала, Гришку ни разу доселе не встречала. Нужен он мне, черт бесстыжий!

Фёдор отступил, снова сел на лавку. Глаза его смотрели на Марью, гнев еще клокотал.

«Чушь несущий, пьяный дурак.» – Подумал он. Помолчал немного, остывая. Голову руками обхватил, по лицу ладонями провел, уставился на девку.

– Не терплю ложь. И подхалимство. – Тихо выговорил он. – Того у государя при дворе хватает. Никому веры нет.

Он вздохнул, опять спрятал лицо в ладони.

– Устал я. – Выдохнул.

Марья, не спеша села рядом, чуть поодаль, побаиваясь.

– Знаю, – кивнула она. – Отдохнуть надо, выспаться. – Говорила, а у самой страх застыл на кончиках пальцев, руки немели.

– Не могу. – Почти с болью в голосе пожаловался Фёдор. – Глаза закрываю и... вижу их. Государь говорит, пройдет. Молиться надо, дело верное делаю, нужное... а они все равно приходят... Я Замятню искал. Тихон сказал, ты с псом сдружилась, у тебя он.

– Груз тяжелый ты выбрал себе. Душа мается. – Осторожно, ласково прошептала девушка.

– Нет у меня души. – Проворчал Фёдор. – Восемь лет как сменял я ее на... – он осекся.

Марья молчала. Юноша вдруг лег, положил тяжелую хмельную голову на ее колени.

– Нету мочи. – Тихо проговорил он. – Прогони их, нету мочи.

Ладонь Марьи несмело коснулась волос Фёдора, погладила.

– Я спю тебе, спи, – и затянула:

Ходит сон по сеничкам,

Дрёма под окошечком.

Ходят-бродят возле дома,

Всё не спросят, где искомо.

А искомо-то здесь,

Где темно в ночи да весь

Мечится, не спит,

Криком тишину томит.

Сон и дрёма, приходите,

Злые тени отгоните,

Дайте Фёдору покой

Своей тёплой рукой.

Она все гладила и гладила его по голове, напевая. Тело Фёдора обмякло, он провалился в сон.

Марья уткнулась боком в стенку и постаралась заснуть сама.

Глава 3. Ярмарка

Фёдор не беспокоил Марью и не появлялся два дня. Лишь передал через Агафью отрез дорогой камки и жемчужные серьги.

– Держи. – Ключница положила ткань на сундук. – Фёдор Борисович передал. Велел тебе отшить платье. – Бабка нахмурилась, поджала губы. – За какие такие заслуги, Марьюшка? Не боишься гнева государева? Господин для него и друг и отрада, соперников не стерпит.

– По что обижаете, Агафья Михайловна. – Потупилась Марья. Есть у меня жених и другого не надобно мне. Сами говорили – господин указ. Я свое место знаю.

Агафья сердито хмыкнула, но ответ приняла.

На следующий день Марья и Параня стояли в сенях. Им предстояло привести в порядок дом перед Рождеством. Девушки обсуждали, кто за что возьмется, где вдвоем придется работать.

Фёдор долго наблюдал за ними, стоя на крыльце горницы. На Марье была все та же простая понева, онучи. С каждой минутой все смурнее становилось в его сердце: подарком побрезговала?

Завидев приближающегося Фёдора, девушки смолкли, поклонились.

– Не по нраву подарок? – Раздувая ноздри, спросил он.

– По нраву, спасибо, Фёдор Борисович. – Марья простодушно улыбнулась.

Параня медленно попятилась, не желая мешать разговору. Господин и не заметил ее.

– А чего не носишь?

– Берегу. К празднику надену, в работе испачкаю.

– Сейчас носи. – Потребовал он. – Будешь исправно служить – еще подарю.

– Благодарю, – она снова поклонилась. – Неужто с Иваном худо все?

Лицо Фёдора побледнело, как полотно, он взял Марью за локоть, отвел в сторону.

– Я тебе добра желаю. А ты все о нем думаешь?

– А ты о ком думаешь, Фёдор Борисович? Всё о государе? У каждого своя ноша: слово давши – держи, перед Богом отвечать всем придется за свои дела. Сердишься ты. За что? Пойдем, щи разогрею. Не ел еще с утра.

Она пошла в дом, не оборачиваясь. Он посмотрел ей вслед. Потом медленно, сам не зная, зачем, пошел за ней.

Вечером Фёдор закончил с последним свидетелем по делу Купеческого. Остался не допрошен Иван. Государев ближник застыл над именем княжича, убрал в сторону допросный лист.

– Хватит на сегодня, Микитка. – Бросил он палачу. – Крови пролили – до конца дней в землю не впитается. Лыковы – все?

– Все. – Палач стянул окровавленный фартук. – Не смирила нрав девка, всю семью загубила.

– Ее право. – Равнодушно пожал плечами Фёдор.

Над девушкой долго работали. В процессе Фёдор не думал о боли своих подопечных. Но сегодня... все виделась ему вместо молодой родовитой барыни Марья Астахова. И больно и сладко становилось одновременно. Да так, что замутило.

Фёдор пригубил сбитень, повернул голову к палачу. И вдруг представилось: а что, если бы Марья была на месте Лыковой? Не прогнал бы ее отец Семака, состоялось сватовство. Лежала бы на этом столе сейчас с такими же глазами.

Просила бы пощады, плакала?

Нет. Марья бы дралась. В морду плюнула, укусила, умерла, но не далась бы так. Она из того теста, что в печи не трескается.

А если бы? Если бы ее так? Он бы... он бы убил всех сам!

– Дай. – Чужим голосом потребовал Фёдор.

Микитка застыл, не понимая.

– Топор дай!

Фёдор взял рукоять, скользкую от крови, подошел к Младе. В глазах у девки – облегчение, она поняла – это конец ее мучениям.

Фёдор со всей силы ударил несчастную по голове. Та затихла, обмякла в раз.

– Не сказала же ничего. – Прогнусавил Микитка.

– Что она скажет, дура. – Фёдор отбросил топор. – Со страху наговорит нам с тобой на неделю работы.

Юноша долго мыл руки, оттирая кровь из-под ногтей. Тошнотворный запах преследовал его даже на свежем воздухе, раздражал.

Раздражала Марья, с ее упрямой верностью своему жениху, раздражали пьяные пиры ближников. Не было покоя.

В эту ночь он лег у себя. Прогнал Замятню, погасил огни. Хватит с него. Жил как-то раньше, не болела душа. А тут – раскис, бабу пожалел.

Еще давеча государь призвал его к себе – бессонницей мучился.

Метался в глазах Михаила Юрьевича тот же ужас, что растекался перед Фёдором – души загубленные. Молились они долго вдвоем, в шахматы играли, говорили.

– Красив, ты, Фёдор. – Государь погладил фаворита по русым волосам. – Как девка красив. Умен, изворотлив. Да зол больно.

– Моя злоба на врагов твоих направлена, Миша. – Кокетливо улыбнулся Фёдор.

Он сам уже не помнил, почему его женственные манеры веселили государя. Кто он для него? Шут? Пес? Игрушка?

Но раз утвержденные правила работали. Государь смотрел снисходительно, поощрял капризы Фёдора. Фёдор устраивал шутки злые, язвил над ближниками, пытал, убивал, менял личину. Когда надо – воин бравый, а нет – так лукавая полу девка жеманная.

– Обженю тебя через пару годков. – Вдруг сказал Михаил Юрьевич. – Не заметил кого? Али правду про тебя шепчутся, что девки не любят тебе?

– Кто из них сравнится с моей красотой? – Рассмеялся Фёдор, а сам вдруг Марью вспомнил.

Красивую той беззатейливой простой красотой, которой славились бабы Чернолесья. И фигурой кругла, и лицом нежна, и сердцем светлая.

– Ай, задумался, Фёдор. – Улыбнулся государь. – Запал кто в душу?

– Моя душа вся твоя, государь. – Искренне отозвался юноша. – Служить буду до смерти своей, и никакая баба вперед тебя не встанет.

Произнес и сам испугался: да так ли это теперь?

На следующий вечер Фёдор сам пришел к Марье в каморку. Он не волновался больше. Кто она? Девка-чернавка. Сама напросилась. Не звал никто. Пусть отведаст досыта правды государевой. Не встанет между другом помехою. Не будет больше в Фёдоре сомнений.

Марья штопала чью-то рубаху, тихо напевала сама себе. Как только Фёдор отворил дверь – встала, поклонилась.

– Здрав будь, Фёдор Борисович.

– И тебе по здоровью.

Каморка была тесной, в два шага пересек ее государев ближник.

– Трудисься, работаешь? – Он небрежно отнял шитье, рассмотрел аккуратный шов.

– Воля какая будет? Исполнит чего? – Она тепло улыбнулась и что-то в душе Фёдора заколебалось.

– Сколько лет тебе, Марьюшка? – Сладким голосом пропел он.
– Осемнадцать минуло, Фёдор Борисович.
– Так мало? – Деланно удивился он, жеманно покривился, не до конца сбросив свою маску. – И ты замуж собралась? За государева преступника.

– Не виновен он, Фёдор Борисович. Я же толковала вам: Иван все ездил по землям Чернолесским, торговал. В казну платил исправно, на поход государев денег отдал больше всех в уезде...

Она вздохнула. Фёдор почернел лицом.

– Пытал я его сегодня. – Соврал он. – Клеветник твой Иван.

Марья уронила иголку, замерла. Лицо ее омрачилось, губы побелели.

– Не может того быть, – тихо произнесла она. – Он добрый, Ваня...мы свечи за здоровье ставили. Государеву здоровью молились, радовались, когда Михаил Юрьевич власть взял над родовитыми...Врешь, Фёдор.

Она вдруг встала, такая же прямая как тогда, на допросе.

– По что кровь льешь невинную? – Строго спросила.

Густая коса слева на плечо перекатилась, Марья заломила руки, до боли сжала их.

– Не верю. – Простонала. – Врешь.

Фёдор застыл, наблюдая. Ему вдруг сделалось больно и совестно от своей неправды. Вместе с тем, эта пытка была куда приятнее тех, что в застенках исходили кровью.

– Что молчишь? – Спросил он, криво усмехаясь. – Не хочешь спросить, как он? Как кричал?

– Не надо, – оробела девушка.

– А я расскажу. – Фёдор закружился по комнате коршуном, себе места не находя. – Он кричал, Марья. Знаешь, как мужики кричат, когда им жилы рвут? Сначала матом, потом Бога зовут, потом маму. И твой Иван звал. А под конец – тебя.

Краска отлила от лица девушки, глаза застыли как у мертвой.

– Молчишь? Скажи что-нибудь! Обругай! Ударь! Прокляни меня! Зачем пришла сюда просить? Думала, сжалюсь над тобой?

Марья встала, так же, не проронив ни слова, направилась к двери.

– Постой! – Велел он.

– Отпусти. – Глухо ответила она. – Врешь ты все. Не знаю, зачем. Может, слез моих хочешь. Я буду плакать. Но не при тебе.

– Прости. – Тяжело выдавил он сквозь зубы и замолчал. – Не правда все. – Продолжил, себя пересиливая. – Не пытал я Ивана, рука не поднялась. – Он обхватил девушку за талию, прижался всем телом. – Тебя мучаю, а сам еще больше...

Она не шевельнулась, стояла как каменная.

– Уходи. Устала я.

– Марья...

– Уходи. Завтра поговорим.

Ближник вышел, дверь за собой притворил. В коридоре долго стоял, лбом в стену уткнувшись, прислушивался. В груди жгло так, как никогда. Не получилось порвать, прикипел он к девчонке. Она сказала «завтра», значит, не прогнала. Но и не простила.

Ночью Марья не спала. Молилась. За Ивана, за себя, за Фёдора.

Замятня лежал и подремывал, в пол уха прислушиваясь, как бормочет человек. Лучина истлела давно, где-то запели петухи, забрехали псы. Городок просыпался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.